

Еврейское остроумие

ДЕСЯТЬ
ЗАПОВЕДЕЙ

Сборник Еврейское остроумие. Десять заповедей

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436553
Еврейское остроумие. Десять заповедей: Фолио; Харьков; 2010
ISBN 978-966-03-4975-9*

Аннотация

Трудно ответить на вопрос: Израиль светское государство или религиозное?

С одной стороны, лишь небольшая часть его жителей носит традиционную одежду и аккуратно исполняет все предписания, с другой – эти самые традиции незаметно проникают в повседневную жизнь многих обычных людей, для которых десять заповедей по-прежнему священны.

Содержание

Десять заповедей	5
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Еврейское остроумие. Десять заповедей

Десять заповедей

И явился Господь финикийцу.

И предложил ему Тору.

– Почему? – спросил финикиец.

– Бесплатно! – ответил Бог.

– Не нужно! Зачем мне товар, который ничего не стоит?

И явился Господь египтянину.

И предложил ему Тору. Бесплатно.

– Не возьму. За бесплатные вещи обычно приходится очень дорого платить, – ответил египтянин.

И явился Господь Моисею.

– Значит, правильно ли я Тебя понял, – переспросил Моисей, – эта Тора достанется нам абсолютно бесплатно?

– Да!

– Тогда – две! – потер руки Моисей.

Апокрифические сказания

* * *

Бог диктует Моисею Тору:

– Не вари козленка в молоке матери его...

– Подожди-ка... А, я понял! Это значит: «Не ешь мясное вместе с молочным?»

– Да ты пиши, что я тебе говорю: «Не вари козленка в молоке...»

– Ага, теперь я догадался! Надо иметь отдельную посуду для мяса и молока.

– Послушай, что ты несешь? Я же тебе ясно сказал: «Не вари козленка...»

– Все, ну теперь я наконец все понял! После мясного, прежде чем есть молочное, надо подождать шесть часов...

– Ладно, делайте, что хотите!

* * *

Спускается Моисей после своего бдения на горе Синай. Евреи сгрудились у подножия и молча ждут. Наконец Аарон не выдерживает.

– Ну, как?!

– Две новости: одна хорошая, одна плохая.

– Давай хорошую!

– Я торговался, сколько мог, и теперь у нас всего десять обязательных заповедей!

– О, ты молодец, Мойша! А какая же плохая новость?

– Прелюбодеяние вошло.

* * *

– Одни говорят, Моисей перед смертью сам запретил обозначить место, где будет лежать его прах: он опасался, что люди будут обожествлять его личность наподобие язычников. Другие утверждают, что могилы Моисея нет и вообще

быть не может, потому что Моисея, когда он умер, ангелы тут же вознесли на небо...

Но настоящая причина известна мне одному. Моисей просто хотел избавить себя и своих единоверцев от позора: он-то знал, что ему по сей день не поставили бы приличного надгробного камня.

* * *

Кое в чем евреи похожи на всех прочих – то, что им хочется, они делают, а в некоторых вопросах норовят манкировать. Например, традицию рядиться на Пуримпиль в самые фантастические одежды и выпить столько, «чтоб не отличать Аммана от Мордехая», так это они пожалуйста, а не курить в Шаббат или поститься в Йом-Кипур – такой подвиг не каждому по плечу.

* * *

Евреи спрашивают раввина, почему надо всегда ходить с покрытой головой.

– Потому что в девятнадцатой главе книги «Исход», в четырнадцатом стихе сказано: «И сошел Моисей к народу...»

– Там же не говорится о головном уборе!

– Неужели вы могли подумать, что Моисей вышел к наро-

ду без кипы?!

* * *

Ангел в Шаббат призывает Бога посмотреть вниз. И действительно: один раввин играет в гольф.

– Я этого так не оставлю! – говорит Бог, и мяч после удара с 300 метров попадает прямо в лунку.

– Ничего себе! – удивляется ангел. – Тоже мне наказание!

– Самое то! – возражает Бог. – Пусть попробует кому-то рассказать! А если расскажет, то кто ему поверит?

* * *

Деревенский еврей, недавно женившийся, плохо знает ритуал пасхального седера и дает жене задание: пусть пойдет к дому еврея-кузнеца, подкрадется к окну и посмотрит, как тот это делает.

Жена идет, заглядывает в окошко – и что она видит! Кузнец колотит свою жену угольным совком.

Она возвращается домой и подавленно молчит. Муж спрашивает, что она увидела; она отказывается говорить. Наконец он приходит в ярость и принимается колотить ее угольным совком. Тут она сквозь рыдания говорит ему:

– Если ты все это знаешь, зачем посылал меня к кузнецу?

* * *

Раввин возвращался домой и по дороге увидел, что впереди идет Абрам. Раввин попытался его догнать, но с ужасом заметил, что тот заходит в китайский некошерный ресторан. Подойдя к окну ресторана, раввин увидел, как Абрам заказал целую тарелку ребрышек, креветок в соусе и прочие трефные блюда.

Как только он принялся за еду, раввин ворвался в ресторан и стал распекать его:

– Как ты можешь это есть! Мы считали тебя благочестивым и религиозным евреем!

Тогда Абрам ответил:

– Ребе, вы видели, как я вошел в этот ресторан?

– Так в чем же дело?! Обед прошел под наблюдением раввина!

* * *

Торговец-еврей из маленького местечка приходит в варшавский ресторан. Он видит, как за соседний столик приносят тарелку нарезки из ветчины разных сортов.

– Официант, принесите и мне этой рыбы! – просит торговец.

Официант нерешительно смотрит на его пейсы, наклоняется и тихо шепчет:

– Прошу прощения, господин, но это ветчина.

– О, теперь я знаю, как называется эта рыба!

* * *

В варшавский ресторан приходит еврей и громко требует печеного поросенка.

– Не надо так громко доказывать, что вы перешли в христианскую веру, – делает замечание метрдотель.

* * *

В варшавском ресторане ужинает богатый еврей. В конце вечера хозяин подходит осведомиться, понравилась ли ему еда.

– Во-первых, ваша еда некошерная, – кисло говорит гость, – во-вторых, неприлично маленькие порции!

* * *

Раввин отчитывал еврея, который заглядывал в окна публичного дома.

– Но, реббе, я ведь не совершил греха прелюбодеяния! – оправдывался юноша. – Ну что плохого, если я посмотрел, как выглядят эти женщины?!

На что раввин рассказал ему такую притчу:

– Мышь вылезла из норки и увидела, что ей приготовлена мышеловка, а в ней – кусочек сыра. Она рассмеялась: «Вот, приготовили мне ловушку, чтобы я в нее попала. Хорошо, что я такая умная и сумею сделать так, чтобы не попасть в ловушку. Я ведь отлично знаю: если дотронусь мордочкой до этого сыра, мышеловка сразу захлопнется. Что ж, буду остерегаться и ни за что не коснусь его, но понюхать сыр издали не опасно». И она набрала воздуха в ноздри, и еще, и еще, потом подошла немножко поближе, чтобы еще получше понюхать. Покружилась вокруг мышеловки, понюхала, подошла еще поближе – и в конце концов ткнулась в сыр, попала и погибла.

* * *

Один из самых неудобных запретов заключается в том, что в шабес ничего нельзя выносить за пределы территории, которой владеет община. Чтобы обойти это неудобство, евреи в прежние времена окружали изгородью весь населенный пункт, где жила их община. Когда города укрупнились, появилась другая практика – евреи фиктивно покупали го-

род, в котором они живут. Попросту говоря, давали деньги бургомистру, и он составлял формальную купчую. Однажды набожный еврей по поручению своей общины отправился к градоначальнику маленького местечка под Винницей, чтобы выяснить, нельзя ли им «приобрести его в собственность». В качестве цены он предложил десять рублей. Сначала это было воспринято как дурацкая шутка. Однако спустя некоторое время градоначальнику стало ясно, что еврей говорит серьезно. А когда он убедился, что сделка не влечет за собой никаких последствий, ни юридических, ни практических, то взял деньги и сказал:

– Дайте мне еще столько же – и считайте, что я вам продал вдобавок и Винницу!

* * *

Набожный еврей в субботу переходил улицу. Вдруг на земле он увидел золотые часы! Что делать? В шабес же нельзя носить с собой никаких предметов. Так что, пройти мимо? Но разве так можно?

Он наклоняется над часами и строго говорит:

– А, так вы идете? Но раз уж вы идете, то пойдем вместе!

* * *

Как известно, в субботу нельзя брать в руки деньги. Шабес начинается вечером в пятницу и заканчивается, когда вечером в субботу на небе появятся первые звезды.

Набожный еврей идет в шабес по улице Нью-Йорка и видит на мостовой десятидолларовую купюру. Он ставит на нее ногу, собираясь простоять так до темноты, когда на небе появится первая звезда. Но поскольку он мешает уличному движению, полицейский приказывает ему уйти. Еврей делает вид, что не слышит. Полицейский бьет его резиновой дубинкой по голове. В глазах у еврея мелькают искры.

– О, вот и первые звезды! – радостно восклицает он, хватая деньги и исчезает в толпе.

* * *

Абрам и Хаим идут по дороге.

– Если бы в шабес ты нашел кошелек с деньгами, ты бы поднял его?

– Давай решать проблемы по мере их поступления: ты мне покажи кошелек, а я тогда найду, что делать дальше.

* * *

Лавочник в шабес зазывает в свою лавку.

– Заходите ко мне, – говорит он прохожему. – Посмотрите, какие прекрасные брюки я продам вам за полцены!

Прохожий, оказавшийся правоверным евреем, укоризненно говорит ему:

– Сегодня шабес, а вы собрались делать гешефт?

– И что вы называете гешефтом? То, что я хочу продать эти брюки за полцены?

* * *

Утро шабеса. Старик раввин проснулся задолго до рассвета. Хорошо бы сейчас почитать Талмуд – но в комнате темно, хоть глаз выколи. А зажигать свет в шабес запрещено, для такой работы евреи нередко нанимают гоев. Но хитрость в том, что еврей не может отдать приказание, он иносказательно дает понять, что нужно сделать, тогда это не считается работой. Обычно одни и те же люди подрабатывали в шабес и им не надо было долго объяснять, чего от них хотят. Раввину очень хотелось почитать в тишине, но шабес-гой вряд ли появится до рассвета. Но тут он слышит, что за окнами скрипит снег. Он высовывается в окно:

– Эй, Иван! – кричит он. – Хочешь выпить стопочку? Вот только бутылку не могу найти в темноте!

Когда речь идет о водке, даже самый глупый мужик сразу умнеет. Иван заходит, нащупывает спички, зажигает свечу. Раввин дает ему стопку водки.

– Да поможет вам Бог! – растроганно говорит Иван, опрокидывает стопку, вытирает губы, потом, как человек вежливый и бережливый, гасит свечу и уходит.

* * *

Однажды шабес-гой запоздал. Семья не решается пойти спать, пока горит большая свеча.

Тут хозяйка подводит маленького сына к столику со свечой и говорит:

– Абрамчик, папа не верит, что ты знаешь, как правильно называется Пасха. А ну-ка скажи ему!

– Пейсах! – выкрикивает Абрамчик. Свеча гаснет.

* * *

Абрам и Хаим были в командировке и там неплохо провели время. Вернувшись, они пошли к раввину, чтобы облегчить душу. Выслушав их, раввин говорит Абраму:

– Ты курил в субботу, за это не будешь курить целый ме-

сяц. А ты, Хаим, переспал с шиксой, за это целый месяц не будешь касаться жены.

Через неделю жена говорит Хаиму:

– Слушай, а Абрам уже курит.

* * *

Раввин вызывает к себе трех студентов ешивы.

– Я в окно видел, как вы курите. Как это понимать? Сегодня же шабес! – с негодованием восклицает он.

– Простите, ребе, – смущенно говорит один студент, – я забыл, что сегодня шабес.

– А я – забыл, что в шабес нельзя курить! – оправдывается второй.

– А я, ребе, забыл, что на окнах уже открыли ставни! – заявил третий.

* * *

Один еврей пожаловался раввину, что ему с большим трудом удается поститься в положенные дни. Раввин рассказал ему такую историю:

– Когда Бааль Шем был молодым, он брал шесть хлебов и кувшин с водой и уединялся на целую неделю в пещере для духовных трудов. В пятницу, когда он собирался домой,

то поднимал свой мешок и, замечая его тяжесть, открывал и находил все шесть хлебов нетронутыми. Только такой пост и можно считать постом.

* * *

– Ребе, я грешен – не помыл руки перед едой! Какое покаяние вы мне назначите? (Мыть руки перед едой – ритуальное правило.)

– А почему вы не помыли руки?

– Я был в христианском ресторане и постеснялся – у них это как-то не принято.

– А как вы оказались в некошерном ресторане?

– А как в Йом-Кипур найти открытый еврейский ресторан?

* * *

В синагоге в Йом-Кипур еврей с жалобным воем падает на пол:

– Какая жажда! Сейчас умру! Скорее спросите у ребе, не позволит ли он мне выпить хотя бы глоток воды?

Естественно, раввин разрешает дать ему воды, чтобы спасти от смертельной опасности. Напившись, еврей с облегчением говорит:

– Спасибо, ребе! Чуть не умер! Клянусь, больше никогда не буду в Йом-Кипур с утра так обжираться селедкой!

* * *

– Как вам не стыдно? Я знаю: в Тиша-Беав, в день строгого поста, вы, Абрам, славно пообедали.

– Но, ребе, все знают, что когда человек опасно болен, он имеет право немножко покушать?

– Конечно! А на вид не скажешь, что вы больны, а тем более – опасно.

– Ага, значит, вы хотите, чтобы еврей, который не сделал вам ничего плохого, был опасно болен?

* * *

В день Тиша-Беав, забыв о посте, Абрам обедает. Раввин делает ему выговор.

– Ребе, я пытался помочь бедной девушке-еврейке!

– Какой девушке?

– Утром я шел молиться и услышал, как кто-то говорит: «Каждой бедной еврейке я пожелал бы иметь столько тысяч, сколько евреев в нашем городе сегодня нарушат пост!» И я решил, что надо сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь бедной девушке!

* * *

Тиша-Беав. Старый еврей молодому:

– Как ты смеешь есть сегодня? Бери пример с меня: я старый и больной человек, а все равно я пошусь!

– И зачем это? Все равно мы оба не попадем в рай, – отвечает ему молодой.

– Ты точно не попадешь – потому что не соблюдаешь пост, а я – почему?

– А вы – потому, что никакого рая нет.

* * *

Больной еврей спрашивает у ребе, должен ли он в день Тиша-Беав тоже соблюдать пост.

– Что за вопрос! Все должны соблюдать пост в этот день! – отвечает ребе, уплетая за обе щеки.

– А сами вы не соблюдаете!

– А я ни у кого и не спрашиваю разрешения!

* * *

Приходит Рабинович к местечковому ребе:

– Ребе, можно курить в субботу?

– Конечно, нет!

– А вот мой сосед Шлема курит!

– Так ведь он ни у кого и не спрашивает!

* * *

– Абрам, как вы можете! Я сам видел, как вы едите свинину!

– Ха! А я сам видел, как поп ел чолнт! И я таки подумал, что если они едят наши блюда, то я им отомщу и съем их еду!

* * *

Еврей в ресторане ест ветчину. Его видит другой еврей, из правоверных, и строго пеняет ему:

– Ты знаешь, во что тебе этот грех обойдется?

– Да, очень дорого, – отвечает грешник. – Но иногда можно потратить полтора рубля на удовольствие.

* * *

Абрам заходит в магазин и спрашивает:

– Почему ветчина?

Когда он выходит на улицу, его встречает гроза: гром, молнии. Абрам поднимает руки к небу и испуганно восклицает:

цает:

– Но я же только спросил!

* * *

В Австрии было время, когда евреев, принявших католичество, оделяли существенной денежной суммой.

Богобоязненный старик Каплан вдруг решает креститься. Со всех сторон на него сыплются упреки.

– Что вы расшумелись? – возмущается Каплан. – Мне просто нужны деньги на мацу.

Ребе Леви-Ицхак из Бердичева всегда пытался увидеть в своих единоверцах что-нибудь хорошее. Как-то в шабес ему встретился еврей с сигаретой во рту (зажигать огонь в этот день запрещено).

– Ты, вероятно, забыл, что сегодня шабес? – спросил ребе.

– Нет, ребе, помню прекрасно.

– Значит, ты забыл, что в шабес нельзя курить!

– Нет, ребе, это я тоже помню.

– Может быть, тебе врач велел курить каждый день?

– Ничего подобного! Я курю ради удовольствия.

– Боже великий! – воскликнул ребе. – Посмотри, какие праведные люди – сыны Израиля! Даже этот человек, который на глазах у всех нарушает шабес, не может нарушить заповедь Торы: «Не лги!»

* * *

Для спасения жизни можно нарушить многие заповеди, кроме, разве что, идолопоклонства. А вот кашрутом можно и пренебречь. Среди хасидских притч есть некая история о мудром ребе, к которому за советом пришел юноша, которого забирали в армию.

– О, ребе, что же мне делать? – сокрушался богобоязненный парень. – Они ведь не разделяют мясного и молочного! А если обед будет со свининой?! Что мне делать?

– Ешь, – пожал плечами ребе. – Ведь иначе ты умрешь от голода.

– То есть в армии я могу есть некошерную еду?! – уточнил юноша.

Ребе поморщился, но повторил:

– Ешь. Но не нахваливай и не чавкай!

* * *

У хасидов заведено на исходе субботы пить чай и рассказывать истории о святом Беште. Однажды, когда у люблинского цадика провожали субботу, вбежал в дом растрепанный еврей, размахивая руками. Увидев, что все слушают ребе, он уселся на край скамейки и стал ждать. Когда ребе за-

кончил рассказ, еврей внезапно вскочил и закричал:

– Гевалт! Пожар!

Оказалось, что он пришел предупредить хасидов и ребе о пожаре, но постеснялся прервать рассказ.

– Почтение к Торе – большое дело! – сказал ему ребе. – Но забота о жизни евреев стократ важнее. Здесь нет места промедлению!

* * *

Моисеев закон запрещает употреблять в пищу свинину. А пить вино можно, но вино должно быть кошерным и желательно, чтоб собутыльник был евреем, дабы не склонил размягченного выпивкой еврея к греху.

И вот сидят в купе офицер и еврей. Офицер выкладывает на стол кусок окорока, каравай хлеба и соленья. И выставляет бутылку французского вина. Как человек вежливый, он предлагает соседу бутерброд с ветчиной. Тот мнется и с видимым сожалением отказывается. Молодой военный с аппетитом уничтожает провизию, наливает стакан вина и интересуется у попутчика, не желает ли тот промочить горло. Еврей снова отказывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.